

Жизнь Пушкина

ПУШКИН
И ИМПЕРАТРИЦА
ТАЙНАЯ
ЛЮБОВЬ

КИРА ВИКТОРОВА

Кира Павловна Викторова
Пушкин и императрица.
Тайная любовь
Серия «Жизнь Пушкина»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23737119

Пушкин и императрица. Тайная любовь.: Алгоритм; Москва; 2014
ISBN 978-5-4438-0669-3

Аннотация

Автор этой книги, написанной как захватывающий детектив, задался целью раскрыть имя женщины, которая господствует во всем поэтическом творчестве великого поэта, начиная с лицейских лет, до его гибели. Пушкиновед Кира Викторова впервые заявила о том, что у Пушкина была единственная муза и тайная любовь – императрица Елизавета Алексеевна, супруга Александра I. Знаменитый же «донжуанский список» Александра Сергеевича, по ее версии, – всего лишь ерническое издевательство над пошлостью обывателей. Любил ли Пушкин одну Елизавету Алексеевну, писал ли с нее Татьяну Ларину, была ли императрица для него дороже всех на свете или к концу жизни он все-таки предпочитал Наталию Гончарову... – решать читателю.

Содержание

Глава I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Кира Павловна Викторова

Пушкин и императрица

Тайная любовь

*Определяйте значение слов, и вы избавите свет
от половины его заблуждений.*

Пушкин – Декарт

© Викторова К. П., 2014

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

* * *

Глава I

Хранитель тайных чувств

*Ни долгие года разлуки,
Ни даль, ни хладные науки
Не изменили в нем души.
Он пел дубравы, где встречал
Свой вечный, милый Идеал.
«Евгений Онегин»¹*

В трудах пушкинистов-биографов с давнего времени существуют два известных понятия, требующих, на мой взгляд, переосмысления. Речь идет о так называемых «Северной» и «Южной» утаенных Любоях Пушкина (под последней подразумевается М. Раевская-Волконская).

Этому произвольному разделению «одной святыни», «одного божественного» чувства противоречат строки ясного нравственного закона, изложенного в прозе «Пиковой дамы»: «Две неподвижные идеи не могут вместе существовать в нравственной природе, так же, как два тела не могут в физическом мире занимать одно и то же место». Исходя из этого простого правила не будет большой смелостью сказать, что выдвигать гипотезы о двух утаенных любовях Пушкина

¹ Все цитаты из сочинений А.С. Пушкина приводятся из пушкинских автографов.

так же безнравственно, как искать вторую Беатриче у Данте или новую Лауру у Петрарки. Муза у великих поэтов одна:

...Одна была... Я с ней одной
Делиться мог бы вдохновеньем.
Она одна бы разумела
Стихи неясные мои...—

утверждает Пушкин в «Разговоре с книгопродавцем» – П. Плетневым – о так называемой утаенной «Северной» любви («Разговор «служил предисловием к «Евгению Онегину»!). Итак, стихи Пушкина были ясными только для одной женщины.

Нельзя пройти и мимо известного высказывания Пушкина о любопытстве толпы в письме к Вяземскому в конце ноября 1825 года (то есть после сожжения Пушкиным своих автобиографических записок): «Зачем жалеешь ты о потере Записок Байрона? Черт с ними! – Он исповедался в своих стихах. Толпа жадно читает исповеди, записки et cetera, потому что в подлости своей радуется уничижению высокого, слабостям могущего: «Он мал, как мы, он мерзок, как мы!» Врете, подлецы: он и мал, и мерзок – не так, как вы, – иначе! Оставь любопытство толпе и будь заодно с гением», – советует Пушкин.

Совет Вяземскому сегодня звучит как обращение к Читателю (и биографам) – «быть заодно с гением» Пушкина.

Итак, «не уничижая» нравственной природы поэтически-

го гения Пушкина, попытаемся – с помощью исповеданности стихов и фактологических данных, минуя слухи современников, – восстановить имя Той, несомненно выдающейся личности эпохи, портреты и жизненные реалии которой рассеяны по всему творческому наследию «поэта действительности».

Перечтем вновь стихотворение 1818 г. «Ответ на вызов написать стихи в честь Ея Величества Государыни Елизаветы Алексеевны», так как данное произведение имеет глубокую автобиографическую связь с записью лицейской программы Записок: «Государыня в Ц[арском] Селе». (До сих пор не комментированной биографами.)

На лире скромной, благородной
Земных богов я не хвалил
И трону в гордости свободной
Кадилом лести не кадил.
Природу лишь учася славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожден царей забавить
Стыдливой Музою моей.

Комментарий стихотворения во всех изданиях сведен, по существу, к мадригалу супруге Александра I Елизавете Алексеевне – «Добродетели на троне» – тогда как и беловой, и черновой автографы разглашают более объемный смысл признания юного Пушкина. Глагол в прошедшем вре-

мени: «Елизавету втайне пел», обстоятельство образа действия: «втайне» и последующие варианты стихов – более поэтически-интимны и биографичны, чем их представляют исследователи.

Но признаюсь, под Геликоном, – Бродя с задумчивой душой,
Где Иппокрены ток шумел, – Один задумчиво сидел,
Я, вдохновенный Аполлоном, – Я часто тихим лиры звоном
Царицу нашу втайне пел!

То есть речь идет о «Геликоне» Царского Села, где «во имя Аполлона» был окрещен Поэтом юный лицеист, где «лились его живые слезы» в первых лицейских элегиях, и где он «встречал Свой вечный милый Идеал».

Эмоциональный поток дальнейших строк, воспевающих портретные черты Елизаветы Алексеевны:

Я пел в восторге, упоены...
Любовь. Надежду. Русскою... (нрзб. [душой? – К. В.])
Неувядаемой красой. Прелесть... (нрзб.)
Со взором благости небес
С улыбкой мира и любви...

Голосом. Гордая. Смелая. Верная...

Любовь и тайная свобода

Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа! —

наводит на мысль, что вдохновительницей лицейских элегий была не «гостья брата» лицеиста – Екатерина Бакунина, а жительница Царского Села – Елизавета Алексеевна. Думается, что отсюда, с этого «гимна сердца» 1818 г. идет нить к известным сетованиям поэта на свою, увы, уже «нескромную лиру» в «Разговоре с книгопродавцем» и в «Бахчисарайском фонтане»:

[...] Ах, лира, лира, что же ты
Мое безумство огласила...
(«Разговор книгопродавца с поэтом», 1824 г.)

[...] Забудь мучительный предмет
Любви отверженной и вечной,
И слабость отроческих лет.

Долго ль, узник томный,
Тебе неволи цепь лобзать,
И свету лирою нескромной
Свое безумство разглашать?
(«Бахчисарайский фонтан», 1821–1823 гг.)

То есть речь идет о той единственной, о Той, которая, по словам Пушкина, «...была мне в мире богом. Предметом

тайных слез и горестей залогом». («Я видел смерть», 1816 г.)

Обращает на себя внимание и рисунок Пушкина в автографе стихотворения 1818 г.: в левом верхнем углу изображена «поднятая» секира (ЛБ 64 л., 42). Этот знак «мятежной секиры», зовущий новую «жертву», будет встречаться на многих произведениях, связующих имя Елизаветы Алексеевны с мыслями о французской революции и декабристским движением.

«Непонятая современниками, почти забытая при жизни», – так характеризует сложную, трагическую фигуру Елизаветы Алексеевны автор монографии². Личность жены Александра I мало выяснена. Современники не могли открыто писать о Елизавете Алексеевне: ее имя связывалось с заговором 1821 г. филиала Петербургской ложи «Астрея» – то есть той Кишиневской ложи «Овидий» № 25, «за которую уничтожены в России все ложи» – комментирует Пушкин в письме от 26 янв. 1826 г. Жуковскому³.

С первого дня своего приезда в Россию (31 окт. 1792 г.) и до последних дней (4 мая 1826 г.) Елизавета Алексеевна

² Вел. кн. Николай Михайлович. Т.1, с. 1. Ср. поэтику «Письма Татьяны»: «Я здесь одна. Никто меня не понимает...»

³ «В Петербурге открыт заговор высшей аристократии. На престол хотели возвести царствующую императрицу (Е. А.). Первое заявление о нем сделал Сперанский», – пишет Фернгаген (Карл-Август Фарнгаген фон Энзе (1785–1858) – немецкий писатель и переводчик сочинений русских авторов – *ред.*) в 1921 г. В 1822 г. последовал первый арест В.Ф. Раевского и затем заключение его в Тираспольскую крепость (Пыпин, «Общественное движение в России при Александре I», с. 165).

писала дневник, который она завещала Карамзину. По приказу Николая I он был сожжен вдовой Павла I Марией Федоровной. Единственными достоверными свидетелями событий ее биографии остаются письма Елизаветы Алексеевны к матери. Должно сразу сказать, что по отзывам современников Елизавета Алексеевна, будучи скромной по своей природе, никогда не была «императрицей» в известном значении этого слова: все представительство реальной власти находилось в руках властолюбивой вдовы Павла I – Марии Федоровны⁴. Потеряв двух дочерей в младенческом возрасте, с 1808 г. Елизавета Алексеевна удаляется от жизни двора, посвятив свою жизнь тщательно скрываемой благотворительности и обретению самых разнообразных познаний.

Живя в царскосельском уединенном «затворничестве», Елизавета Алексеевна, по словам П. Вяземского, «заживо сделалась поэтическим и таинственным преданием».

Пересказываю главные факты жизни и деятельности Елизаветы Алексеевны. В 1792 г. тринадцатилетняя Баденская принцесса Луиза-Мария-Августа («Психея», как ее нарекли современники)⁵ впервые переступила порог дома Ро-

⁴ Доказательством ее скромности служит ответ Ел. Ал. на вопрос, «составила ли она завещание», «Я ничего не привезла с собой в Россию – и потому ничем распорядиться не могу». (Воспоминания Н.М. Лонгинова.)

⁵ См. стих. Державина «Амур и Психея» 1793 г., изд. Грота, стр. 141. Ода написана на обручение Александра и Елизаветы в 1793 г. (то есть в год Великой Французской революции). «Чарующий стан, совершенная грация движений... Те, кому случалось присутствовать на ее свадебных торжествах, до сих пор вспо-

мановых, стены которого «[...] пропитаны преступлением», пишет А. Герцен, – «кровь отравлена в жилах до рождения, пути ко всему злему раскрыты... Добро невозможно. Горе тому, кто остановится, тому, кто в этих стенах допустит человеческое чувство в своем сердце...».

Извечные человеческие ценности – ум, красота, доброта души – не затронули сердца Александра I. По словам современников, Александр I мог дать только «любовь брата» – у него побочная семья, две дочери от М. А. Нарышкиной. Елизавета Алексеевна привязывается к своему новому отечеству настолько, что не только народ, но даже русский язык стал ее любимым.

Елизавета Алексеевна с замечательной проницательностью предугадала гибель наполеоновской армии в снегах России, В самый день Бородинского сражения она писала матери: «[...] каждый шаг его в этой необъятной России все более и более приближает его к бездне. Увидим, как он пе-

минают эту картину... имя Психеи было у всех на устах». (Великий князь Николай Михайлович, «Императрица Елизавета Алексеевна», т. III, стр. 754.) См. известный портрет Елизаветы Алексеевны в виде Психеи художника Д. Евреинова. Как известно, Пушкин просит «ради Христа» сделать «виньетку» к первому сборнику стихотворений «имянно в виде Психеи, которая задумалась над цветком...». (Письмо от 15 марта 1825 г. Л. Пушкину и Плетневу.) В письме от 26 сентября 1825 г. Плетнев писал Пушкину: «Виньеты не будет, С художниками невозможно иметь дела: не понимают они нас. Да и что придаст твоим стихам какая-нибудь глупая фигура над пустоцветом? Придет время: тогда не так издадут». Увы... Пушкина издают так же, как и 160 лет назад: «Психеи, склонившейся над цветком», современный читатель, видно, не дождется, как и комментариив к этой примечательной просьбе поэта.

ренесет зиму...».

«[...] О, этот доблестный народ наглядно показывает, чем он является в действительности, и что он именно таков, каким издавна его считали люди, понимавшие его, вопреки мнению тех, которые упорно продолжали считать его народом варварским. А между тем как раз варвары Севера и ханжи Юга Европы и причиняют более всего хлопот нации цивилизованной, по преимуществу, и силы ее далеко еще не истощены...».

Своеобразие «чуткого выговора» Елизаветы Алексеевны: «В этой России» – встретится в заметке: «Только революционная голова, подобная [...] может любить Россию так, как писатель может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом Русском языке», – воспроизводит Пушкин элементы «чужого выговора» Елизаветы Алексеевны в 1824 г. И именно строгий «греческий» профиль Елизаветы Алексеевны Пушкин рисует под приведенным текстом после своего шаржированного автопортрета в ребенка «вольтерьянца» и перед профилем «революционной головы» В. Кюхельбекера⁶ Тот же классический профиль мы видим на

⁶ На допросе следственной комиссии Кюхельбекер ответил, что главной причиной, заставившей принять участие в тайном обществе, была его «скорбь об порче нравов, как следствия угнетения... Взирая на блистательные качества, которыми бог одарил русский народ – единственный на свете – по сильному и мощному языку, которому нет подобного в Европе, по радушию, мягкосердию – я скорбел, что все это задавлено, вянет и, быть может, скоро падет, не принеся никакого плода в мире..... Да создастся для славы России поэзия истинно русская, да будет святая Русь не только в гражданском, но и в нравственном виде первую

полях «Евгения Онегина» рядом с профилем секретаря Е. А. – Н. М. Лонгинова, атрибутированным Т. Цявловской как портрет Ф. Толстого – «Американца».

В 1812 г. Елизавета Алексеевна, искренняя патриотка своей новой отчизны, организовала первое женское патриотическое общество. «Дай Бог», – говорит пушкинская Полина, – «чтобы все русские любили свое отечество так, как я его люблю...» («Рославлев»).

«Я руская и с рускими погибну», – читаем надпись с ошибками на кружке, заказанной Елизаветой Алексеевной в 1812 году. Кружка хранится в Русском музее в С.-Петербурге. Инв. СТ № 425 (Ср.: «Неправильный, небрежный лепет. Ошибки, выговор чужой...» «Евгений Онегин»)

«Она проявляла глубокий интерес к русской литературе и русским поэтам», – комментируют современные пушкинисты, – «связи ее с писателями простирались до того, что последние считали возможным знакомить ее со своими запрещенными стихами»⁷.

державою мира», – говорил Кюхельбекер.

⁷ Не говорит ли эта фраза героини «Рославлева» и знак секиры у текста: «Я стал(а) думать ее мыслями...» о том, что и пушкинская Полина была иностранка по происхождению, но «русская душой»? Исследователи «Рославлева» прошли мимо того обстоятельства, что «Неизданные записки дамы 1811 года» имеют в черновике дату «22 июня» – то есть число нашествия Наполеона в Россию. «Описки» текста автографа: «Я знал ее скромной и молчаливой», «я еще не понимал ее, но уже любил» и строки Плана: «...Москва в 1811 г. Наполеон шел на Москву... Мы отправились 15 августа.....», – совпадают со временем отъезда Пушкиных из Москвы, приездом в Петербург Василия Львовича с племянником

И это не удивительно. Елизавета Алексеевна была не только прогрессивной личностью эпохи, но и ее первой женской, «революционной головой»:

«Я проповедовала революцию как безумная, я хотела одного – видеть несчастную Россию счастливой, какой бы то ни было ценой» – писала она матери после переворота 11 марта 1801 года.

В последние годы жизни Александр I, «на закате дней», сблизился с Елизаветой Алексеевной, «[...] подавая руку позднего примирения женщине, вся жизнь которой, прикрытая императорской багрянницей, была одним оскорблением...» – заканчивает Герцен. Обстоятельства смерти Александра I «на глазах жены» – Елизаветы Алексеевны – в Таганроге (ноябрь 1825 г.), и неожиданная кончина «порфиноносной вдовы» 4 мая 1826 г. в Белёве, «непроницаемой тьмой» сокрытая от современников, породили множество слухов и догадок. «Ее мало знали при жизни», – свидетельствует Вяземский, – «как современная молва, так и предания о ней равно молчаливы» (Поли. собр. соч. П. Вяземского, т. УП, с. 141. Петербург, 1882 г.) ср.: «Предания о ней молчат...» – «Полтава».

Вернемся к царскосельским элегиям Пушкина. Исследователи отнесли цикл элегий 1815–1816 гг. к Е. Бакуниной,

и встречей юного Пушкина с И. Пушиным (см. «Воспоминания современников о Пушкине». Москва, 1974. т. I, с. 72–73). Таким образом, «Неизданные записки дамы» могут представлять попытку Пушкина издания своих «Записок» о «Полине» – Е.А., как «защиты ее тени», – читаем в предисловии к «Рославлеву».

обосновав свою гипотезу записью в лицейском дневнике и показаниями современников. Но, как известно, Бакунина «гостила летом у брата» в 1816 г., а запись Дневника: «Как она мила была! Как черное платье пристало к милой», – относится к зиме 1815 г.: «С неописанным волнением смотрел я на снежную дорогу... Ее не видно было...»⁸

Обращает на себя внимание и «неописанное» волнение, то есть еще не описанное в стихах? Или речь идет об отсутствии данного сюжета во всем наследии? Описка – исключена, так как «при открытии несчастного заговора» Пушкин тщательно отбирал все, что могло остаться из автобиографических Записок и в «Лицейском Дневнике», о чем свидетельствуют оторванные листы 1815 г.

Не заинтересовало исследователей и то обстоятельство, что в рукописи Дневника фамилия Бакуниной зачеркнута поэтом жирной чертой! Не обратив внимания на столь открытое вычеркивание Пушкиным «милой Бакуниной» из лицейских воспоминаний, биографы не выяснили и главного: какая историческая личность приезжала в трауре 28 ноября 1815 г. в Царское Село. Даю эту справку, то есть открываю имя этой женщины: 28 ноября 1815 года в Царское Село на один день приехала из Вены, где она присутствовала на конгрессе, Елизавета Алексеевна, в трауре по мужу сестры

⁸ Не потому ли Модзалевский, «не сводя концы с концами», написал на рукописи (!) дневниковой записи 29 января 1815 г.: «Это почерк Пушкина 1816 года».

принцу Брауншвейгскому. См. Камер-фурьерский журнал и оду Державина, написанную 30 ноября 1815 г. «На возвращение императрицы Елизаветы Алексеевны из чужих краев» (Державин. Изд. Грота, т. XII, с. 229.).

Разлукой с Елизаветой Алексеевной, думается, вызваны многие стихотворения периода пребывания Елизаветы Алексеевны в Европе, среди которых стихотворение «Измены» 1814–1815 гг. заслуживает особого внимания. Оно интересно для нашей темы не только конкретными деталями историко-биографического характера, но, являя пример Пушкинского закона стихосложения («страстей единый произвол»), – раскрывает тем самым подлинное содержание загадочных стихотворений зрелых лет.

Все миновалось!..
Мимо промчалось
Время любви.
Страсти мученья!
В мраке забвенья
Скрылися вы.
Так я премены
Сладость вкусил:
Гордой Елены
Цепи забыл.
Сердце, ты в воле!
Все позабудь;,
В новой сей доле
Счастливо будь.

Но «сладость» воли, счастье освобождения от оков «гордой Елены» – недолговечны:

...Ах! Для тебя ли,
Юный певец,
Прелесть Елены
Розой цветет?..
Пусть весь народ,
Ею прельщенный,
Вслед за мечтой
Мчится толпой...

и, смиряясь перед воображаемой картиной «триумфа» «Розы-Елены», – юный певец решает отныне «петь» только для друзей:

...В мирном жилище
На пепелище,
Стану в смиренье
Черпать забвенье
И – для друзей
Двигать струною
Арфы моей.

Отметим, что определение «мирного» жилища Лицея звучит как противопоставление теперешнему местопребыванию «Розы-Елены».

Точная дата написания стихотворения неизвестна – автограф «Измен» утрачен, но, учитывая, что стихи напечатаны в «Российском музее» № 12, 1815 года, – Пушкин отсылает читателя к тем бурным событиям в Европе, когда усилиями трех держав (так называемого «Священного союза») было сломлено последнее сопротивление Наполеона и «Европы твердый мир основан».

Продуманная поэтика этого «легкого» стихотворения о факеле «Елены», незатронутые исследователями строки: «В сердце возженный образ Елены мнил истребить, прошлой весною юную Хлою вздумал любить», – любопытны тем, что под «юной Хлоей», очевидно, следует считать увлечение «жрицей Тальи» – крепостной актрисой Натальей (1813 г.). Но самым существенным является то обстоятельство, что до всех перечисленных в стихотворении «измен» Пушкин не «стыдился» «цепей» любви к «гордой Елене». Стихотворение заканчивается признанием тщетности «измен» и предречением влачить оковы любви к «Розе-Елене» до могилы:

Так! до могилы Грустен, унылый, Крова ищи!..
Всеми забытый, Терном увитый, Цепи влачи...

(Ср.: «Долго ль, узник томный, тебе неволи *цепь* лобзать....», «Бахчисарайский фонтан», 1823 г.). В 1827 г. Пушкин вновь «оденет» свой «терновый венец» в Посвящении «Акафиста» Деве Лицея:

Так посвящаю с умилением
Тебе терновый мой венец...

Итак, перед нами первое упоминание «тернового венца» и «цепей» любви к «Розе-Елене» – тех двух метафорических сочетаний, которые, обретя устойчивость символа, войдут впоследствии в цикл элегий, посвященных «Деве-Розе» в «Разговоре с книгопродавцом...» об утаенной любви, и в финал «Бахчисарайского фонтана».

Что касается «толпы» народа, мчащейся за прелестью «Розы-Елены» в 1815 г., то она, вливаясь в «кипящие, бурные волны» «Сынов Авзонии», восторженно приветствующих «северную красоту» «Людмилы», раскроет подлинное имя вдохновительницы стихотворения 1828 года: «Кто знает край, где небо блещет неизъяснимой синевой...».

Рассмотрим рукопись стихотворения.

...Кто же посетил твой древний рай...

Европы древний рай —

обобщает местопребывание «Людмилы» вариант стиха.

Кругом кого кипит народ,
Кого приветствуют восторги?
Кто идеальную красой...

Людмила северной красой —

уточняет поэт характерные особенности красоты «Люд-
милы» —

Сынов Авзонии пленяет.
Кто поневоле увлекает
Толпы их бурны за собой? —
Глицера, Эльвина, Рогнеда...

идет поиск условных имен, среди которых «Эльвина» 1815 г. («Эльвина, милый друг. Ужель на долгую разлуку я с милой обречен») – является синонимом отсутствующей «Гордой Елены» {Ср. встречу с «Эльвиной» 1825 г.: «На небесах печальная луна»}, и вновь Пушкин останавливается на образе златокудрой «Людмилы» лицейской поэмы:

Людмила зрит твой древний рай,
Твои пророческие сени...

И здесь на полях, слева у приведенных стихов, Пушкин рисует стоящего Наполеона, «с нахмуренным челом, с руками, сжатыми крестом». («Евгений Онегин», II гл.)

Этот графический комментарий автора, относя события стихотворения 1828 г. ко времени наполеоновских войн, опровергает тем самым все домыслы о вдохновительнице стихотворения – графине М. Мусиной-Пушкиной, «жившей

долго в Италии» и возвратившейся в Россию в 1828 г.

Безусловно, доверяясь слухам современников, биографы поясняют сложную структуру финальных стихов:

Пиши Марию нам другую
С другим младенцем на руках! —

следующим образом: «У Марии Мусиной-Пушкиной в это время был маленький сын». Но, «заказывая» Рафаэлю портрет своей «Марии», Пушкин видит «младенца-бога» не вообще и не в «колыбели», а именно на руках Марии! То есть речь идет о шедевре Рафаэля – Марии с младенцем на руках – «Сикстинской мадонне», находящейся в Дрезденской галерее с 1754 г. Из этого следует, что «Людмила» видела «чудеса святых искусств» не только в Италии, но посетила и Германию⁹.

Посетив Дрезденскую галерею, Елизавета Алексеевна заказала для себя копию с поразившей ее «Сикстинской мадонны» и, украсив ею стену своего кабинета в Зимнем дворце, являлась «зрителем одной картины», как свидетельствует гравюра из собрания П. Я. Дашкова. Не отсюда ли льется первоисточник «Мадонны»: «Не множеством картин старинных мастеров...»?

Описание желаемой картины:

⁹ Не исключено, учитывая многомыслие поэтики, что образ «Другой Марии с другим младенцем на руках» имеет отношение и к «Богородице земного круга» стихотворения 1826 г.

...Чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный Спаситель —
Она с величием, он с разумом в очах... —

полностью совпадают с композицией «Сикстинской мадонны» Рафаэля. По свидетельству П.П. Вяземского (Собр. соч. СПб. 1983, с. 520–521), Пушкин говорил, что стихи «Мадонна» «сочинены им для другой женщины» {то есть не для Наташи Гончаровой}, и что ими отмечено «одно обстоятельство в своей жизни».

«Суд» современников о вдохновительнице стихотворения ошибочен не только потому, что гр. Мусина-Пушкина не обладала характерными чертами «северной» красоты пушкинской «Людмилы» — золотом кудрей и голубыми «небесными» глазами, но и по той простой причине, что Мусина-Пушкина не могла возбуждать тех восторгов толпы народа и ответственных криков, о которых свидетельствуют стихи Пушкина.

Возвратимся к грациозности образа «Людмилы – Рогнеды – Эльвины».

С какою легкостью небесной
Земли касается она!
Какою прелестью чудесной
Во всех движениях полна!

Приведенные реалии портретных черт героини стихотворения 1828 г. являются поэтическими «двойниками» образа женщины, о которой поэт разговаривает с книгопродавцом в 1824 г. и которую вспоминает в финальных стихах поэмы «Бахчисарайский фонтан» и в VII главе. «Евгения Онегина».

...Но полно, полно, перестань,
Ты заплатил безумству дань.

.....
Долго ль, узник томный,
Тебе неволи цепь лобзать,
И свету лирою нескромной
Свое безумство разглашать?

Этот параллелизм мыслей и образов, базирующийся на словесных повторах, приводит к догадке, что вдохновительницей всех вышеприведенных стихотворений, включая «Измены» 1815 г., была одна и та же женщина, уехавшая из России в 1813 г. и возвратившаяся в Россию 28 ноября 1815 г. – то есть Елизавета Алексеевна.

За подтверждением гипотезы обратимся к фактологии истории. В «Летописи» за 1865 г. № 37, в статье «Пятьдесят лет назад» {с. 269–272) помещены «Краткие записки» участника Отечественной войны 1812 г. и похода 1814–1815 гг. – адмирала А.С. Шишкова, идеолога «Бесед любителей русского слова», с которым Пушкин был лично знаком и не раз упоминал его в своих стихах.

Вспоминая о восторге, с каким Елизавета Алексеевна была встречена в Европе, Шишков пишет: «Из русских императриц Елизавета была тогда первая в чужих краях, везде ее встречали с торжеством, бегали за нею толпами и кричали: «Ура! русская императрица Алексеевна!» (См. относящуюся к 1814 г. гравюру «Мир Европы», где Елизавета Алексеевна ведет за собой Александра I с оливковой ветвью в руке.)

К сказанному Шишковым следует прибавить, что, будучи в Германии, Елизавета Алексеевна посетила Гете и имела с ним беседу¹⁰.

Думается, что первый эпиграф к стихотворению 1828 г. «Кто знает край...» – песенка Миньоны из «Вильгельма Мейстера» «Kennst du das Land» – связан с этим посещением. Отголоски призыва златокудрой Миньоны читаются в вариантах стихотворения 1828 г. «Волшебный край, любимый край Эльвины» и в стихотворении «Разлука», рукописную редакцию начала которого: «Для берегов чужбины дальней ты покидала край родной...» – Пушкин думал поместить в сборнике стихотворений под 1828 г.

Из края мрачного изгнания
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила: «В день свиданья
Под небом вечно голубым,
В тени олив, свои лобзанья

¹⁰ Как известно, Бетховен посвятил Елизавете Алексеевне свой единственный полонез – «К Элизе», его оригинал находится в РГБ в Москве.

Мы вновь, мой друг, соединим»...

Стихотворение приписывается разлуке с Амалией Ризнич, чему противоречит «край мрачного изгнания» – определение, которое никак нельзя отнести к городу, где «все Европой дышит, веет, Все блещет югом и пестреет Разнообразием живой», – Одессе, откуда Ризнич уехала в Италию после отбытия Пушкина в Михайловское в августе 1824 г.

Краем мрачного изгнания с полным основанием можно считать Михайловскую ссылку 1824–1826 гг.

Второй эпиграф: «По-клюкву, по-клюкву, по-ягоду по-клюкву», который исследователи относят к «капризам» М. Мусиной-Пушкиной, «раз спросившей себе клюквы в большом собрании», – имеет «странное сближение» с тем «малым островом», который «пестреет зимнею брусникой» – то есть ягодой, созревающей под снегом, – клюквой, стихотворения Болдинской осени «Когда порой воспоминанье...».

Об их глубокой внутренней связи свидетельствуют и переработанные стихи 1828 г. «Кто знает край...», вписанные в стихотворение 1830 года:

[...] где небо блещет Неизъяснимой синевою [...]

Где пел Торквато величавый [...]

Где Рафаэль живописал.

(3, 2, 851)

Итак, светлые, мажорные мысли о «волшебном, любимом

крае Эльвины» обернулись для Поэта, по какой-то причине, «отдаленным страданием», «воспоминанием, грызущим сердце в тишине», заставляющим стремиться уже к «студеным, северным волнам».

О том, почему произошло это качественное изменение, речь пойдет ниже, а сейчас продолжим разбор так называемого Бакунинского цикла элегий.

Следующим аргументом против отнесения к Бакуниной царскосельских элегий является, как это ни парадоксально, общеизвестность этого увлечения, а Пушкин свидетельствует о муках утаенных:

Весь день минутной встречи ждал
И счастье тайных мук узнал... —

переводит поэт в стихи VIII главы. «Онегина» прозу лицейского Дневника от 29 ноября 1815 г. Расхождение есть и в чертах портрета «Милой». Судя по акварели П. Соколова (см. «Московскую изобразительную Пушкиниану»), у Бакуниной были карие глаза, а у «Милой» — небесные, то есть голубые:

Мечта! в волшебной сени
Мне милую яви,
Мой свет, мой добрый гений,
Предмет моей любви,
И блеск очей небесный,

Лиющих огонь в сердца,
И граций стан прелестный,
И снег ее лица...
(«Городок», 1815 г.)

«В этом очаровательном лице без красок скрывается великий гений», – пишет Ф. Головкин о Елизавете Алексеевне, – «когда-нибудь случай может его внезапно развить... Тогда увидят женщину высшего порядка». В стихотворении «Дубравы, где в тиши свободы...» 1818 г., записанном на одном листе с «Ответом на вызов», говорится о том же утаенном «Гении», подарившем Пушкину «первый звук» неизвестной лиры:

Не ты ль, чудесный Гений мой.
Меня страданью покорила...
И мысль о ней одушевила
Моей цевницы первый звук
И тайне сердца научила.
(2, 1, 540, 542)

То есть речь идет все о Той, «которой очи, Как небо, улыбались мне». («Разговор книгопродавца с поэтом» 1824 г.) Ср. биографию поэта Ленского:

Вот юность... Ольга подарила
Ему Любви первый сон,
И мысль об ней одушевила

Его свирели первый стон.
(6, 286)

(В опубликованном тексте: «Его цевницы первый стон».)
Исследователи не обратили должного внимания и на один эпитет, которым Пушкин завершает элегию «Осеннее утро» (1816):

Уж нет ее... До сладостной весны
Простился я с блаженством и душою, —

позволяющий сделать вывод, что «Ее» приезд весной в Царское Село был ежегодным явлением, и поэтому весна была для поэта «сладостной». В известных «Стансах» (1812): «Видали ль вы нежную Розу», первом лицейском стихотворении Пушкина, Роза – Евдокия также своим прибытием в Царское Село олицетворяла для лицейских «Трубадуров» приход весны.

Такою, еще более прекрасною,
Явилась нашему взору сегодня Евдокия.
Еще одна весна увидела ее цветенье...
(1, 89; *подлинник по-французски*)

Следует прокомментировать и имя «Евдокия», которым юный поэт, «не устрашаясь освятил» старофранцузскую аллегорию Розы. О добродетели княгини Евдокии, вдовы

Дмитрия Донского, слагались легенды еще при жизни. В IV томе «Истории Государства Российского» Карамзин приводит любопытные слова: «Сия княгиня настолько любила добродетель, насколько ненавидела ее личину. Славная красотой, умом и смиренномудрием, Евдокия была ревностной почитательницей художеств¹¹».

Идеализация личности княгини Евдокии закончилась после смерти канонизацией ее в «святые Жены» Руси. Александр Казадаев в оде, написанной на день рождения Елизаветы Алексеевны – 13 января 1820 г., прямо сравнивает ее с женой Дмитрия Донского¹².

Не отмечалось в литературе и то обстоятельство, что аллегории лицейского стихотворения Пушкина «Роза» (1815?)

¹¹ Послушаем речь современников на похоронах Елизаветы Алексеевны: «Те, кто имел счастье находиться вблизи Елизаветы, могли оценить широту ее ума. Из всех источников разума она черпала то богатство идей, ту зрелость размышлений, которые делали ее беседу особо замечательной». Но я вникал в ее беседы мало. Меня смущала строгая краса ее чела... — вспоминает Пушкин в 1830 г. образ Жены, смотревшей за «школой» («В начале жизни школу помню я»). «С ее появлением в России ничто не могло сравниться с ее сокрушительной красотой... Все искусства имели права на ее покровительство. За ее счет молодые художники посылались в Италию... равно и поэзия весьма привлекала ее ум...» (Вел. кн. Николай Михайлович. «Императрица Елизавета Алексеевна», т. III. Послесловие.).

¹² «Всемиловейшая Государыня! Похвальное слово Государю добродетельному я осмеливаюсь посвятить Высочайшему имени Государыни, сияющей на троне изящнейшими добротами. Похваляю Герою, оградившему в древние времена Россию от нашествия свирепого Мамая, держаю поднести Всеавгустейшей супруге Героя, спасшего во дни наши Отечество и Европу от грозного Наполеона. Верноподданный Александр Казадаев. Генваря 13 дня 1820 г. (Печатать позволено вторично. Спб. Сентября 21 дня 1826 г. (!) Цензор Александр Красовский)».

целиком заимствованы из державинского стихотворения «К портрету императрицы Елизаветы Алексеевны» (1806):

Как лилия весной и роза среди лета
В уединении благоуханье льет,
Так скромностью своей сердца к себе влечет
Умом и красотой владычица полсвета.
(Державин)

Сравним образ «Розы-Елены» 1815 г. – «Измен» и увяданье «Татьяны»: «Как Роза без росы живой, Татьяна побледнела младость...».

Дальнейшее развитие темы «Розы», которое можно назвать своеобразным «Романом о Розе», завершено в «Болдинскую осень» стихотворением «Не розу Пафосскую я ныне пою...» – открытием имени лицейской «Розы»: «Но розу блаженную, уже опаленную... Элизы моей» (3, 2, 862)¹³.

¹³ От внимания исследователей «Розы» систематически ускользало Пушкинское обращение к «Друзьям»: «Не повтори: Вот жизни Радость. Не говори: Так вянет Младость». То есть поэт призывал не толковать его «Розу» в абстрактных философских понятиях, как символ «непрочности всего земного» и т. п. истертых клише. А. Н. Веселовский отмечал: «От емкости поэтического образа цветка зависело также и разнообразие вызываемых им ассоциаций: нередко образ цветка почти исчезает за подсказанным ему человеческим содержанием. Дело не в розах, а в качестве воспоминаний». (А. Н. Веселовский. «Из поэтики Розы». Избр. статьи. Л., 1939.) Как известно, Пушкин придавал стихотворению 1815 года особое значение, включив его в издание стихотворений 1826 г. Поправка стиха 1815 г.: «Прости! жалею!» – «Люблю, лелею» в 1826 г. знаменательна обретением нового содержания: Пушкин уже не жалеет об увядании «Розы», но

Надо сказать, что имя «Элиза» и ее «увяданье» появилось в Российских журналах задолго до открытия имени «Розы» Пушкиным. В 1821 году в «Благонамеренном» № 21, ч. XII, А. Норов в переводе стихотворения Паоло Лорри «Больной Элизе» использовал метафорические сочетания Державина и Пушкина таким образом: «Покрылись бледностью Элизы красоты Лишь лилии цветут где расцветали розы». Думается, что отсюда, со стихов А. Норова, ведет свое происхождение лирическое отступление в третьей главе «Онегина»: «Я знаю, дам хотят заставить Читать по-русски. Право страх! Могу ли их себе представить с «Благонамеренным» в руках! Я шлюсь на вас, мои поэты...». «Мои поэты» – это, прежде всех, В. Л. Пушкин («Голубка и бабочка», 1803 г.: «Элиза, милая! Пример перед тобой, Люби и будешь век довольна ты судьбой»), Н. Неведомский («Соловей», 1821 г.: «Элиза, милая! Один твой взор небесный Все красит для меня В сей жизни горькой, слезной»), Н. Олин («Стансы к Элизе», перев. В. Скотта: «Улыбку уст твоих небесную ловить»), и стихи Н. М. Карамзина:

Элиза! Приими дар искренней любви
Твой ум, Твоя душа питаются прекрасным
Ты Ангел горестных, мать сирым и несчастным
Живешь для счастья других... Итак живи!
[...] Не каждый ль день и час Ты дружеству милее,
Достойнее святой Божественной любви... —

«Императрице Елизавете Алексеевне в день Ея рождения 13 генваря 1820 года при вручении Ей подарка».

Как видим, начиная с Державинских метафор портрета Елизаветы Алексеевны, включая оду Державина 1804 года. «Тихий нрав и, как приятный Луч, Елизаветин взор» – мадригалы «Братьев-рифмачей» единогласно воспевали «небесные черты» «милой Элизы».

Что же касается сравнения «Елизаветина взора» с «лучом», то в стихах 1826 года «Ответ X + У», то есть Василию и Федору Туманским, прославлявшим «восточные» черты М. Раевской-Волконской: «Она черкешенка собою Горит агат в ее глазах И кудри черною волною...» – Пушкин отвечает следующим портретом своей Музы:

Нет, не черкешенка Она.
В долины Грузии от века
Такая дева не сошла
С высот угрюмого Казбека.
Нет, не агат в глазах у ней
Но все сокровища Востока
Не стоят сладостных лучей
(другой вариант: Не затемнят!)
Ее полуденного ОКА! —

выделено с прописной буквы Пушкиным и поставлен знак восклицательный, купированный во всех печатных изданиях

советской пушкинистикой.

Последние четыре стиха не только отрицают «агат» глаз Музы Пушкина, но прямо иллюстрируют мастерство Д. Евреинова, сумевшего передать в известном «Оке» Елизаветы Алексеевны на табакерке – даре Елизаветы Алексеевны своему секретарю Н. М. Лонгинову, знакомому Пушкина, – лучистое небо полдня. «Полуденное» еще и потому, что Елизавете Алексеевне в 1808 году, дате миниатюры, было 29 лет, то есть столько, сколько Пушкину в известных стихах «Онегина»: «Ужель мне скоро тридцать лет? Так, полдень мой настал...».

Я остановилась так подробно на аллегориях и эпитетах вышеназванных элегий и потому, что мотив «сладостной весны» исчезает из поэтического словаря Пушкина (ср. «Весной я болен...»). Более того, в элегии 1827 г. автографа Майкова, вошедшей в начало VII главы «Онегина», «пора цветов, пора любви...» – вызывает у поэта «тяжкое», «Тяжелое умиление»: «Как тяжко мне твое явленье, весна, весна, пора любви...».

Отчего произошло это качественное изменение?

Как известно, VII глава «Онегина» начата весной 1827 г. и закончена 4 ноября 1828 г. в Малинниках, крупной прописью Пушкина «ТОШНО ТАК», то есть в то время, когда писались песни «Полтавы» и «Посвящение». Рассмотрим первые строфы VII песни «Онегина» (ЛБ, 71, л. 2, 2 об.), первая строфа начинается с описания бурного воскресения приро-

ды:

Гонимы вешними лучами
С окрестных гор уже снега...
И завершается первой песней соловья:

...и соловей Уж пел в безмолвии ночей.

Вторая строфа резко противопоставлена поэтике первой:

Как грустно мне твое явленье,
Весна, весна! пора любви!
Какое томное волненье
В моей душе, в моей крови!..

Пушкин не продолжает далее. Его перо на свободной нижней части листа рисует странный «памятник»: на постаменте, абрис которого напоминает удлинённую секиру, – урна в форме «непреклонной лиры». На лире встрепенулась, глядя направо, голубка. Подобное изображение голубки мы видим на щите кроваво-красного полупетуха-полумедведя герба дома Романовых, несомненно знакомого Пушкину.

Возвратимся к весне 1827 г., к дубравам Михайловского:

С каким тяжёлым умилением
Я наслаждаюсь дуновеньем
В лицо мне веющей весны
На лоне сельской тишины!

Или мне чуждо наслажденье,
И все, что радует, живит,
Все, что ликует и блеснит,
Наводит скуку и томленье
На душу мертвую певца...
(6, 413–414)

Приведенные стихи написаны поверх рисунка крайне возбужденного коня с пустующим седлом, под копытами которого – ускользящая лента змеи. (ЛБ, 74, л. 2.).

Эту же, «отредактированную» Пушкиным аллегория памятника Петру I Фальконе – коня без всадника (то есть седло пусто, на престоле нет самодержца), отсылающую к 14 декабря, и «ожившую» змею мы встретим на полях рукописи «Тазита», ранее текста: «...в долине той изменой хладной убит наездник молодой...», в рукописи «Кавказского пленника»: «Помчался конь *на крыльях огненной* отваги...» (1821 г.), эту же змею Фальконе готовится разрубить «саблей Паскевича» Янычар – Амин-Оглу, то есть Пушкин – на полях стихотворения 1829 г. «Стамбул гяуры нынче славят, а завтра кованой пятой, как змия спящего, раздавят...». И та же лента змеи Фальконе готовится ужалить в ногу «Медного всадника» на плане глав «Онегина» (!). «Рукой Пушкина», с. 248, вкладка.)

Какие исторические ассоциации скрывают рисунки и какая важная сквозная тема заключена в графических примечаниях поэта, покажут дальнейшие главы исследования. А

сейчас вернемся к поиску Пушкиным причины своего «тяжелого умиления».

Или, не радуясь возврату
Погибших осенью листов,
Мы помним горькую утрату
Внимая новый шум лесов...
(6, 415)

О какой «горькой утрате» помнит поэт, «внимая новый шум лесов»? VII глава Онегина начата весной 1827 г. Значит, событие произошло весной 1826 г.

«...И соловей уж пел в безмолвии ночей...» Свою первую песнь соловей поет в первых числах мая... И это была не только личная утрата Пушкина, ибо поэт говорит: «мы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.